

Глава 18

В Германии

Моя вторая эмиграция.
Общая картина Запада.
Я свергаю Вилли Брандта.
«Третий путь». Отзыв Сахарова.
Первые сведения о «Мондрагоне».
Печальное сообщение из Москвы

В первых числах мая 1974 года я с семьей прилетел вновь в Европу, в Западную Германию. Во Франкфурте-на-Майне утром, после ночи полета, у нас была короткая промежуточная посадка. И когда в самолет ввели тележки с завтраком, мы встрепенулись: запахло вкусной едой! Это были совсем другие продукты, чем в Америке: настоящий хлеб, колбаса, пахнущая колбасой, настоящий кофе.

Переезд из США в Германию я определил вскоре, немного в шутку и много всерьез, как мою вторую эмиграцию. Настолько выше был в Германии качественный уровень почти всего, чем живет человек, — квартир, продуктов, товаров, общественного транспорта, экологии, безопасности (от криминала). И никаких трупоб! Есть районы победнее, но трупоб нет нигде.

Особенно впечатляли возможности для отдыха и спорта. На каждом шагу стадионы и теннисные корты, содержащиеся в безукоризненном порядке, в каждом районе аквапарк. Вдоль шоссе в городах и за городом — асфальтовые дорожки для велосипедистов. В каждом большом лесу или горном районе — маркированные дорожки и тропы для туристов. Долгое время я не переставал поражаться такой детали: на всех горных дорожках через каждый десяток метров вкопаны поперек дорожек деревянные или цементные желоба, чтобы вода стекала по ним и не размывала дорожки. И это на любой высоте. Сколько труда стоит за этим! Горы усеяны подъемниками, лыжными трассами с ресторанами и пансионатами. В каждом сельском районе имеется поле для гольфа, конюшни с манежами для занятий конным спортом, прокат пони для детей — всего не перечислишь. Стоимость пользования всеми такими объектами и услугами доступна для большинства граждан, в отличие опять же от Америки.

И почти в любом селе вы можете остановиться на любое время в крестьянских домах или в маленьких пансионатах, гостевые комнаты в которых чище и комфортабельнее, чем номера в американских отелях. Можно снять на отпуск и квартиру с кухней и полным набором посуды. И все это опять же за сравнительно небольшую плату.

В Америке, чтобы погулять в лесу, надо ехать в специальный лесопарк за сто-двести миль от города. В странах западнее Германии — на каждом шагу приватные, охраняемые территории. Пошли мы в Италии однажды гулять в поле и вскоре же увидели, что бежит за нами синьор «с ружжом» и кричит на всю округу: «Приват! Приват!».

Удивляло в Германии, пограничной стране, отсутствие каких-либо признаков готовности к войне, сугубо мирный характер всей жизни. Ни-где не было видно никаких военных сооружений, на улицах очень редко можно было увидеть военнослужащих. Думалось иногда, что же будет, начнись вдруг война?! На что рассчитывают здешние власти? Ведь мы-то, бывшие советские люди, знали, как агрессивны советские правители, какая огромная армия содержится

в СССР и как вдалбливают в головы советским людям, что Запад точит зубы на «лагерь мира и социализма».

Однажды в немецком городке, расположенном на границе с Чехословакией, мы с женой, гуляя по улицам, набрали на большой роскошный бассейн, «велленбад», т. е. бассейн с волнами, которые «гонит» специальная машина. Пройдя мимо бассейна, я увидел, что сразу за его задней стеной, примерно в трех метрах от нее, пролегает граница с Чехословакией! И на той стороне границы виднелись чудовищные укрепления: много рядов колючей проволоки, потом широкая вспаханная полоса, наверняка заминированная, потом еще полдюжины рядов колючки, а за ними — железобетонные доты и высоченная наблюдательная бетонная башня. С немецкой же стороны не было даже пограничников! Вот — стена бассейна, три метра земли, пограничный столб ФРГ и далее — оштетинившийся «лагерь мира и социализма».

Очень характерным был отклик в России на это мое наблюдение. Много лет спустя, уже в ельцинское время, я опубликовал в Москве статью против вновь вспыхнувшей в стране антизападной истерии с воплями по поводу «подползания» НАТО к «нашим границам» и т. п. и рассказал в ней о бассейне на границе Германии с социалистической Чехословакией. Потом заглянул в интернетовскую версию газеты и наткнулся на замечательный комментарий какого-то читателя. «Автор, —

писал читатель, — заблуждается, чего-то не знает о том бассейне. Запад интенсивно готовился к войне. И как широкие автодороги строились в качестве запасных военных аэродромов, так и бассейн тот наверняка имел какое-то военное назначение.»

Вот так вот вдолбили в головы российских людей представление об агрессивности Запада. Мой сын, которому я показал этот отзыв, замечательно пошутил: «Читатель прав, папа. Ты не понял — на дне того бассейна скрывалась подводная лодка!».

Возможен вопрос, не коробило ли меня, еврея, жить в бывшей колыбели нацизма? Нет, не сколько! В первое время при виде пожилых и старомодных немцев изредка возникал вопрос, что они делали в «те времена»? Но в целом было ясно, что вокруг совершенно другие люди из других послевоенных поколений, даже внешне не похожие на немцев гитлеровского времени, судя по фото- и кинокадрам.

И россиянам, которые задают подобный вопрос, я люблю ставить встречный вопрос: а не коробит ли их жить в России, где еще полным-полно людей, которые при сталинизме и брежневизме творили жестокие преступления? Ведь таких людей в России неизмеримо больше, чем людей нацистского времени в Германии. Нацизм пал в 1945 году, причем тотально, а сталинизм только после 1985 и весьма номинально. Махровые деятели того времени до сих пор составляют большинство в правящем классе России.

Еще о послевоенных поколениях немцев. В 80-х годах в Германии стали поднимать голову группки неонацистов, которые на этот раз из-брали главными врагами Германии турецких «гастарбайтеров» и прочих «черных», не забывая, конечно, и о своей старой «любви» — евреях. Не-сколько раз они поджигали общежития для эмигрантов, и однажды в подожженном ими общежитии сгорели три турчанки. Немцы пришли в ужас, и по всей стране прокатилась волна демонстраций протеста против «неонаци», в которых участвовало в общей сложности около полутора миллиона человек. (Я упоминал об этом в пятой главе.) Состоялась такая демонстрация и в Мюнхене, где на улицы вышло около

200 тысяч человек (население Мюнхена — 1,5 миллиона). Демонстрация эта, в которой и мы с женой участвовали, состоялась по призыву профсоюзов и ряда партий, левых и правых. Никаких специальных организационных усилий не предпринималось. О демонстрации было объявлено в СМИ — и все. Демонстрация была назначена на 5 часов вечера в субботу. Людей призывали приходить со свечами. Стоял декабрь — и в 5 часов уже темнело. Мы пришли на станцию метро за полчаса и впервые в Мюнхене не смогли сесть в три поезда подряд: поезда были переполнены людьми, спешившими на демонстрацию с окраин города. Наконец мы втиснулись в поезд, а когда подъезжали к центру, демонстрация уже началась. Наша линия метро проходила по эстакаде, над улицами, и мы сверху увидели сверкающие зажженными свечами улицы и услышали — этого мы не ожидали — звон колоколов во всех церквях города в знак солидарности с демонстрантами. Люди вышли на улицы семьями, с детьми, свечки горели в баночках, чтобы не гасил ветер. По обочинам стояли бело-зеленые полицейские машины. У всех — и у демонстрантов, и у полицейских — были взволнованные, просветленные лица. Удивляло обилие интеллигентных лиц! Видимо, на улицы вышли люди, которые в обычное время на них не концентрируются. Время от времени мимо двигались толпы турецких жителей Мюнхена со своими знаменами. Незабываемое было зрелище, забываемый день! Горячее чувство уважения и благодарности испытывал я в тот вечер к немцам, я радовался за них, что они стали такими.

В тот же день подобные демонстрации прошли во всех крупных городах Германии. И количество демонстрантов везде было 200—300 тысяч. Выступления неонацистов прекратились на долгие годы. Весь их кураж был сбит.

В Мюнхене и в других городах Германии в обычное время очень редко можно увидеть на улицах полицейских. И я ни разу за 28 лет жизни в Мюнхене не вступал в конфликт с полицией, и ни разу у меня не проверяли документов. Но был один особый случай в первое лето пребывания в Мюнхене. Жена ушла куда-то из дома, оставив дочь в кровати еще не заснувшей (дочери тогда исполнился только год), и она устроила бурный концерт. Я долго не мог ее успокоить. Наконец она заснула, и тут раздался звонок в дверь. Я открыл и увидел двух полицейских, интеллигентных, подтянутых, как и большинство полицейских в Германии. Оказалось (я объяснялся с ними по-английски), что кто-то из соседей позвонил в полицию и сообщил, что ребенок за стеной подозрительно сильно кричит — не бьют ли его? Я объяснил полицейским причину «скандала» и сказал, что теперь дочь уже заснула. Однако они вежливо попросили меня показать им дочь. Пришлось их проводить в детскую комнату. Полицейские подошли к кроватке, внимательно взгляделись в безмятежно спавшую дочь, извинились и ушли, пожелав мне спокойной ночи.

Упомяну еще и о невероятном (для россиян) факте. За все годы жизни в Германии я ни разу не видел где-либо драки или даже громкого скандала. Даже на «Октоберфестах», которые за день посещают сотни тысяч человек и поглощают там море пива. Помню забавную картину, как под шатром одной из пивных фирм, вмещающим пару тысяч человек, сидящих за тесовыми столами, с оркестром в середине, оркестр вдруг заиграл туш, и мы увидели, что служащие несут на плечах здорового, упившегося вдыхину баварца, который с гордостью взирал на всех вокруг. Ведь он был первым, не терял зря время! За шатрами стоят машины скорой помощи с молодыми санитарями и врачами в накрахмаленных белых халатах, которые

бесплатно — фирмы платят! — приводят опьяневших в чувство и при необходимости доставляют домой.

Особая тема — отношение немцев к России и русским. У большинства немцев отношение хорошее, хотя в последнее время изменился его характер. Сужу я не только на основании своего относительно небольшого опыта общения с местными людьми, но и на основании опыта моей нынешней (открою «секрет»!), третьей жены, русской немки, у которой в Германии проживает множество родственников и знакомых, встроенных в немецкую жизнь, хорошо знающих язык. Да и дочь выросла в Германии как немка, и у нее огромный круг общения.

Особенно хорошо относились в Германии к русским, конечно, в период Горбачева. Немцы заужавали тогда русских за то, что они сами, своими руками, сумели сокрушить у себя тоталитарный режим (о том, что сокрушение это было поверхностным, узналось много позже) и избавили их от страха ядерной войны. Восхищены были немцы и согласием горбачевской России на воссоединение Германии.

Когда в России в конце 80 — начале 90-х годов начался кризис в экономике, немцы буквально осаждали русских эмигрантов в Германии просьбами дать им адреса нуждающихся в помощи знакомых или родственников, живущих в России. И слали им посылки. Густой поток таких посылок шел тогда в Россию.

Шла и помощь, собранная различными благотворительными организациями. Запомнилась зима 90-го года. Длинные колонны мощных грузовиков с прицепами («ластеров») с гуманитарной помощью для России двигались по автобанам на Восток. И на окраинах городов, на путепроводах над автобанами стояли люди, взрослые и дети, и махали руками, флажками, фонариками, факелами — провожали колонны. Телевидение передавало эти кадры, и трудно было сдерживать слезы при виде такой человеческой солидарности. Разумеется, тут было и стремление немцев искупить свою вину перед Россией, но ведь это тоже прекрасно! Хотелось бы дожить до времени, когда и в России у людей проснется чувство раскаяния за зло, причиненное множеству народов, в том числе и русским немцам.

Потом, когда стало известно, что большая часть гуманитарной помощи разворовывалась в России и втридорога продавалась на рынках, энтузиазм немцев стал стихать. Потом повалили из России «новые русские», случился расстрел Верховного Совета, начались страдания народа, невыплаты зарплат, чеченская война, ельцинские пьяные безобразия и т. д. — и от ореола над Россией ничего не осталось. Но возникла жалость к русскому народу, к рядовым людям, сохранилась и симпатия. Чему даже удивляться приходится иногда. Ведь все, например, сейчас в Германии знают о деяниях русской армии в Чечне. В последнее время в немецкой прессе даже начали раздаваться голоса, критикующие немецких политиков за безразличие к геноциду в Чечне: нас весь мир проклинал за нацистские зверства, и мы сами себя кляли за них, а сейчас русские «спецназы» в Чечне зверствуют не слабее наших эсэсовцев, и никто им, русским, России этого в вину не ставит, никто в Европе их не прокликает!

И все же симпатия и жалость к русскому народу у большинства немцев сохраняется.

Кроме Италии, Америки и Германии я побывал во Франции, Англии, Бельгии, Греции, Португалии, Хорватии, Австрии, Израиле, Швейцарии, Чехии, Венгрии. Знаю и об уровне жизни в других странах Европы, где еще не удалось побывать. И картина в целом вырисовывается очень интересная. Самый высокий уровень и качество жизни сложились в странах, рас-

положенных на границе двух «лагерей». С восточной стороны — это Югославия, Венгрия, Чехословакия, ГДР, Прибалтика. С западной — Скандинавские страны, Германия, Австрия, Северная Италия. И от этой пограничной полосы в обе стороны — на Запад и на Восток — жизненный уровень начинает понижаться. На западном направлении появляются трущобы в городах, меньше становится всяческих удобств для людей, снижается их социальная защищенность. Ну а в США уже наблюдается сближение с уровнем Советского Союза — сближение крайностей!

Главная причина такого распределения по уровню жизни состоит, думаю, в том, что вдоль границы двух лагерей соревнование капитализма и госсocialизма проходило наиболее остро. На восточной стороне границы был страх перед капитализмом, на западной — перед социализмом. С восточной стороны «советские товарищи» не допускали такого обнищания населения, как у себя в стране, не так нагло грабили пограничные страны и не усердствовали в насаждении своих бесчеловечных порядков, а с западной — власти пеклись о большей социальной защищенности, сдерживали эксплуатацию, перераспределяли доходы. Я употребляю здесь прошедшее время, потому что теперь, после крушения советского лагеря, в западных странах бывшей пограничной полосы началось медленное, но упорное наступление на все устои социальной защиты населения.

Предвижу удивление, с чего это, мол, правящим классам в западных пограничных странах было бояться социализма, когда при нем существовал такой низкий уровень жизни, особенно в Советском Союзе. Но кроме уровня есть еще и принципы устройства жизни, которые не могли не смущать западных людей. Пример. Остановившись отдыхать в немецких крестьянских домах, я не раз слышал от их хозяев, что, конечно, уровень доходов у колхозников в СССР ниже, но они имеют больше времени для отдыха, для своего домашнего хозяйства, для воспитания детей, могут ездить в отпуска, болеть и не бояться разорения. А немецкие рабочие говорили, что советские рабочие не боятся безработицы и банкротств предприятий, на которых работают. Люди ценят то, чего у них нет!

Но продолжу сравнение западных стран. Размер отпуска в Германии составляет в среднем 30 рабочих дней в году, не считая дней праздничных. Во Франции, Англии — 25 — 20 дней, а в США — 12 дней! Во-просы есть?

В Германии в профсоюзах состоит подавляющее большинство работающего по найму населения. В США — сейчас уже менее 18%! Более того, в Германии и Австрии на средних и крупных предприятиях есть «рабочие советы» (бетрибсраты), защищающие социальные права работников. (Профсоюзы занимаются главным образом экономическими вопросами). Уволить работника в Германии можно только по строго оговоренным в законе причинам и соблюдая строгую процедуру: предупреждение за определенный законом срок и выплата большого пособия, размер которого зависит от стажа. Существуют специальные суды, в которые работники могут подавать иски на работодателей и в связи с увольнением, и даже по поводу уровня зарплаты. У западных соседей Германии увольнять и дискриминировать наемных работников уже много легче, а в США — совсем просто. Приходите на работу и находите конверт с письмом: «Компания в Ваших услугах больше не нуждается!». И никаких компенсаций! (Разве только уволенный сможет доказать, что его выгнали по расовым соображениям.)

Исключение в картине западного мира составляет Швейцария, в которой качество жизни очень высокое, хотя она не является пограничной страной. Но тому есть веские причины. Швейцария — страна высокоразвитого народоправия и межнациональной и межрелигиозной

толерантности, так как создавалась она свободолобивыми людьми из окружающих ее стран — этакий казачий анклав в горах! — никогда не знала феодализма и уже более двух веков не участвует в войнах. Кроме того, нейтральность и стабильность Швейцарии сделала ее мировым банкиром, что также способствует повышению уровня жизни населения. Можно в качестве исключения из правила указать и на Голландию, страну высокого жизненного стандарта. Но тут «виновато», я думаю, исключительное трудолюбие голландцев, воспитанное их непрерывной борьбой с океаном.

Но сейчас, повторю, после исчезновения советского социализма, в западных пограничных странах начался процесс свертывания социальной защищенности населения и понижения общего уровня жизни. Так, в Германии уже значительно облегчена процедура увольнения с работы, произвольно увеличивается продолжительность рабочего дня, ужесточается законодательство по медицинскому страхованию и финансированию безработных, увеличивается (поэтапно) пенсионный возраст женщин — с 60 до 65 лет. Вырос уровень безработицы.

А теперь подведем общий знаменатель, под которым я разумею социально-экономический строй Запада. Я не буду сейчас подробно говорить об известных пороках капитализма — об авторитарных порядках в трудовых ячейках общества, об эксплуатации наемных работников, об агрессивной конкуренции, превращающей людей и природу в средство накопления капиталов, о порожденном этой конкуренцией господстве анонимного акционерного капитала и транснациональных сверхмонополий, «вышедших из-под контроля правительств, общественности и закона, проявляющих империалистические тенденции и погружающих мир в период глубокого дисбаланса».¹

Остановлюсь на простых, бытовых явлениях и примерах. Известный читателю директор русской службы «Свободы» Джон Лодизин сказал мне как-то, что его отец, пилот гражданской авиации, имел два дома — в Штатах и в Швейцарии, а ему, Лодизину, высокооплачиваемому американскому служащему, это уже не по средствам. Это результат постоянного, медленного, но неуклонного снижения на Западе реальных доходов всех слоев наемных работников.

Находясь в Германии, я вступил в переписку с американским банкиром и социологом Луисом Келсо, создателем знаменитой программы ИСОП по передаче акций работникам компаний. Он прислал мне свою книгу «Демократия и экономическая власть», в которой его жена и соавтор, экономист Патриция Келсо пишет:

«Теперь Запад не может более скрывать бедность, которая, как морская вода в корабле, получившем пробоину, затопила трюм и уже грозит пассажирам на средних палубах. В США, например, поколением раньше матери малолетних детей обычно не работали вне дома: заработков мужа хватало на семью и на скромный отдельный дом. Сейчас же даже бездетной паре не обойтись без двух или нескольких источников дохода. В 1950 году 7 американцев из 10 могли позволить себе новый дом среднего размера и качества; к 1970 году собственный дом стал недостижимой целью для 4 из 5 американцев».

Такое же примерно положение складывается и в Европе, включая «пограничные» страны. Когда я приехал в Германию, я мог купить себе дом или очень большую квартиру. Зарботки

¹Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Нью-Йорк. 1998. С.113-114.

на «Свободе» были выше среднего уровня. По разным личным причинам я не смог тогда этого сделать, а жил в квартире, предоставленной работодателем. Когда же в середине 80-х годов я получил возможность приобрести «крышу над головой», денег хватило уже только на очень маленькую квартирку в многоэтажном доме, хотя зарплата моя все время росла. Но не успевала за ростом цен! Обескураживает и постоянный рост цен на бензин, который подталкивает вверх остальные цены. Мировые цены на нефть могут падать, но бензин не дешевеет! Разве только на самую малость. Но как только нефть начинает дорожать, так и бензин вновь подскакивает в цене. Фирм, продающих бензин, очень много, но цены в них различаются чисто символически. Сейчас резкий скачок цен в Европе вызвало введение евровалюты.

Семимильными шагами развиваются технологии, растет производительность труда — казалось бы, цены на товары должны падать и рабочий день уменьшаться. У кого-то я читал, что в глубокой древности умные люди, работая каменными молотками, наверняка мечтали, что вот когда появятся молотки, которые сами смогут стучать, люди станут очень богатыми и будут иметь очень много свободного времени. Такие молотки уже появились, но большинство людей в мире становится все беднее и работает не меньше, чем раньше.

Ну и конечно, я должен отметить, что самое интересное в общей картине Запада — это ростки будущего общества, пробивающиеся в щелях между громадами транснациональных монополий. Но этой теме — отдельный рассказ.

Начало моего пребывания в Германии и работы на «Свободе» в Мюнхене ознаменовалось комическим эпизодом. В это время был разоблачен сотрудник канцелярии тогдашнего канцлера Вилли Брандта некто Гийом, оказавшийся профессиональным агентом «Штази». По сообщению большинства СМИ Германии, разоблачение произошло в результате аварии автомашины Гийома, в по-вредженном багажнике которой полицейские заметили шпионский радиопередатчик.

Брандт, как известно, после этого посчитал своим долгом подать в отставку. Мотив, к слову, по российским понятиям совершенно смехотворный.

И вот популярный в то время журнал «Квик» опубликовал свою версию разоблачения Гийома. По этой версии, незадолго до случившегося из ГДР на Запад перебежал капитан КГБ и заявил, что в окружении Брандта имеется агент «Штази». И когда ему показали фотографии сотрудников Брандта, он указал на Гийома.

Имя и фамилия того капитана КГБ, по «Квику», были — Вадим Белоцерковский!

На «Свободе» поднялся «шорох», особенно среди старых эмигрантов. Джон Лодизин попросил американские спецслужбы провести расследование, откуда «Квик» получил такую информацию. И вскоре сообщил мне, что «Квик» отказался открыть источник информации, но расследователи убеждены, что версию эту подкинули журналу «какие-то твои «друзья», здешние или тамошние», т. е. либо из эмиграции, либо из Москвы, из КГБ. «Но, как ты понимаешь, — добавил Лодизин, — разницы здесь большой нет!».

Однако самой забавной была реакция старых эмигрантов.

— Вам повезло, — сказал мне один из членов НТС, работавший на станции, — что вы были приняты на «Свободу» задолго до публикации в «Квике» и успели пройти испытательный (полугодовой) срок. А то бы многие потребовали вашего увольнения.

— Почему!? — воскликнул я. — Ведь я же помог свергнуть Брандта, а вы его ненавидите больше, чем Брежнева! Вы же меня на руках должны носить за это!

Мой знакомый из чехословацкой редакции рассказал мне, что случайно оказался свидетелем, как один из русских сотрудников уверял своих коллег, что видел мою фотографию, где я снят в форме офицера КГБ!

В первый год моей жизни в Германии в журнале НТС «Грани», в № 91—93, была напечатана моя большая статья «Третий путь», представлявшая сжатое изложение центральных глав рукописи «О самом главном». Эту публикацию я послал Сахарову по «каналу». Так назывался путь пересылки почты, неподконтрольный советским властям. Чаще всего это была чья-либо дипломатическая почта.

И однажды, когда я позвонил Сахарову (я делал это регулярно, и Сахаров диктовал мне какие-нибудь свои обращения, которые я передавал на «Свободу» и в знакомые мне западные газеты), он сказал, что получил «Грани» с моей статьей и прочел ее. Я записал его слова на магнитофон. Вот текст этого дорогого для меня отзыва:

— Вадим, я еще раз прочитал вашу статью в «Гранях». Она, конечно, очень хорошая и интересная. Глава о «Третьем пути». Хорошая статья! Это, так сказать, некий конкретный аспект здоровой конвергенции. Там много конкретного и интересного.

Я растерялся и не стал расспрашивать Сахарова более детально о его впечатлениях от моей работы. Но и в этот сверхсжатый отзыв Сахаров сумел вложить глубокий смысл, впервые сказав о том, что конвергенция — явление не обязательно положительное, что может быть и нездоровая конвергенция социализма и капитализма. (Которая сейчас и произошла в России!)

В августе 74-го года я вновь ездил на очередной, уже второй конгресс движения «Третий путь» и тогда впервые узнал о существовании в Испании федерации кооперативных компаний «Мондрагон». На конгресс приехали представители этой федерации. Встреча с ними была для меня огромным событием. Я понял, что их федерация — это уже мини-государство будущего со своим парламентом и правительством, учебными и научными учреждениями. И самое главное, самое неожиданное для меня было то, что создание новых предприятий, расширенное воспроизводство велось там с помощью «моего» фонда развития, который назывался у них «Народной рабочей кассой». Я долго не мог поверить в свое счастье, снова и снова спрашивал работников федерации. Ведь это не шутка узнать, что ключевая твоя «фантазия» — не блажь, не утопия, а предвидение реального хода истории. Испанцы, инженер и рабочий с одного из предприятий федерации, оставили мне пачку проспектов, пригласили приехать к ним и договорились встретиться со мной через год на следующем конгрессе.

Подробно я расскажу о федерации дальше. Тема эта настолько важная, что я посвящаю ей отдельную главу.

В 1975 году я получил из Москвы печальное известие. Мама, находясь одна на даче, полезла на табуретку закрывать выюшку в печи и упала, сломав ногу. К счастью, на дачу вскоре заглянула соседка. Мама и раньше часто что-нибудь ломала: у нее были очень хрупкие кости. Но тогда они срастались, а теперь, в 75 лет и с вырезанным на две трети желудком, не стали. Она пролежала в гипсе несколько месяцев, и врачи приняли решение ампутировать ей ногу, по колено. Таким образом, к ее одиночеству прибавилось увечье. Пока она лежала в гипсе — сдал и позвоночник, и у нее начались сильнейшие боли в спине.

Я попытался заказать ей в Германии хороший протез, но ничего не получилось: его нельзя было делать заочно, без примерок.

Только уникальная жизненная сила позволяла матери жить в ее положении, да еще то, что она оставалась в кремлевской больнице. Не исключили из-за меня, как я того боялся, слава советскому гуманизму! Когда у нее начинались боли в спине, за ней приезжала кремлевская скорая помощь и доставляла в больницу, где в течение какого-то времени ее подлечивали. В обычных больницах такое было немыслимо, особенно по отношению к старым людям.

После того как я узнал, что матери отняли ногу, мною вновь овладели тяжелые раздумья о том, имел ли я право оставлять ее одну?

И видимо в связи с мыслями о матери у меня начался кризис, который можно назвать ностальгическим. Однажды, например, я катался на велосипеде в лесу под Мюнхеном. Заехал по тропинке глубоко в лес. Тропинка сделалась совсем узкой, я слез с велосипеда и пошел пешком. А леса в некоторых местах под Мюнхеном очень похожи на подмосковные. И вдруг на каком-то изгибе тропы я замер: тропа была знакома мне! Вот сейчас налево за группой сосен — начнется просека, по которой можно выйти к нашей даче, кратовской! Я должен был сделать над собой усилие, чтобы прогнать это наваждение, после которого, однако, в сердце осталась глубокая тоска.

В другой раз я купался под Мюнхеном на озере, за которым стоял березовый лес. Лежал на берегу, смотрел на лес. Над ним висело не-сколько облачков, и вдали за лесом виднелся купол храма. И неожиданно я испытал такой приступ тоски по родным местам, который трудно назвать иначе как ностальгическим ударом.

И в тот же самый период меня несколько раз посещали кошмарные сны совершенно противоположного смысла. Один раз во сне я «проснулся» в Москве, в нашей арбатской квартире, и понял, что эми-

грация, жизнь на Западе — все это мне приснилось. «Какой же яркий может быть сон!» — подумал я во сне о моем пребывании за границей.

Второй раз было еще страшнее. Я шел по московскому тротуару, покрытому жидким и грязным оттепельным снегом, и с ужасом думал, как я мог вернуться сюда? Ведь теперь мне уже назад, за границу не выбраться! КГБ больше не выпустит, и скоро там (в КГБ) узнают, что я в Москве. Что я наделал?!

Так вот сложна психика человеческая! Видимо, это была реакция подсознания на приступы ностальгии. Подсознание было умнее сознания!